

Научная статья

УДК 94(470.6)+316.354

ББК 63.3(235.7)+60.561.51

Ш 76

DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-51-58

СМЕШАННЫЕ БРАКИ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ПРЕДКАВКАЗСКОГО ГОРОДА В 1890-Е – 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АРМАВИРА)¹

(Рецензирована)

Владимир Геннадьевич Шнайдер¹

Сергей Николаевич Ктиторов²

Роман Юрьевич Лысенко³

^{1,2,3}Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия

¹schneiderwg@mail.ru

²ktitorovsn@rambler.ru

³lysenko999roman@gmail.com

Аннотация. Важнейшей причиной формирования многонационального облика Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. был колонизационный приток переселенцев. Среди центров Предкавказья, имевших гетерогенный полиэтнический контингент жителей, заметно выделялся Армавир. Полиэтническая среда российских городов региона в целом способствовала формированию условий для роста числа смешанных браков. В настоящем исследовании процессы миксации рассматриваются на примере армавирской немецкой общины, выявлены случаи смешанных браков среди православного населения. Данный анализ дополнен статистикой динамики процессов миксации в среде народов Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. Наши наблюдения показывают, что в среде городской этнообщины, существующей в иноэтническом окружении, со временем возрастает число смешанных браков. Этот процесс протекает более интенсивно, чем аналогичные процессы среди, например, автохтонных народов Северного Кавказа. Впрочем, относительно более высокий процент смешанных браков среди горожан наблюдался в первые десятилетия советской власти и среди этих народов. Наиболее подробно в статье затронуты процессы этнического размывания на примере немецкой общины города Армавира. В итоге авторы обосновывают вывод об интенсификации межэтнического взаимодействия на уровне родственных связей в первые десятилетия советской власти.

Ключевые слова: полиэтническая городская среда, немецкая община Армавира, смешанные браки, миксация, межэтническая и межкультурная коммуникация, метрические книги.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26.

Для цитирования: Шнайдер В.Г., Ктиторов С.Н., Лысенко Р.Ю. Смешанные браки как фактор межэтнического взаимодействия в условиях Предкавказского города в 1890-е – 1930-е гг. (на примере Армавира) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 1 (314). С. 51-58. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-51-58.

Original Research Paper

**MIXED MARRIAGES AS A FACTOR
OF INTERETHNIC INTERACTION IN A
CISCAUCASIAN CITY IN THE 1890S - 1930S
(ON THE EXAMPLE OF ARMAVIR)**

Vladimir G. Schneider¹

Sergey N. Ktitorov²

Roman Yu. Lysenko³

^{1,2,3}Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

¹schneiderwg@mail.ru

²ktitorovsn@rambler.ru

³lysenko999roman@gmail.com

Abstract. The colonization influx of migrants was a major factor in forming the multinational image of the North-Western Caucasus in the second half of the XIX - early XX centuries. Among the centers of Ciscaucasia with a heterogeneous multi-ethnic diversity of inhabitants, Armavir stood out noticeably. The multi-ethnic environment of Russian cities in the region as a whole contributed to the increase in the number of mixed marriages. In this study, the processes of mixing are considered on the example of the Armavir German community; cases of mixed marriages among the Orthodox population are identified. The analysis also provides statistics on the dynamics of mixing processes among the peoples of the North Caucasus in the 1920s-1930s. The analysis shows that in an urban ethno-community that exists in a different ethnic environment, the number of mixed marriages increases over time. This process is more intense than similar processes among, for example, the autochthonous peoples of the North Caucasus. However, the percentage of mixed marriages among these peoples was relatively higher in the first decades of Soviet regime. The article thoroughly examines the processes of ethnic erosion on the example of the German community of the city of Armavir. In conclusion, the authors prove the intensification of interethnic interaction at the level of family ties in the first decades of Soviet regime.

Keywords: multiethnic urban environment, Armavir German community, mixed marriages, mixing, metric books, interethnic and intercultural communication.

For citation: Schneider V.G., Ktitorov S.N., Lysenko R.Y. Mixed marriages as a factor of interethnic interaction in a ciscaucasian city in the 1890s - 1930s. // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2023. Iss. 1 (314). pp. 51-58. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-51-58.

Введение. Интеграция Северного Кавказа в состав России, завершившаяся в 1860-е гг., с одной стороны, активизировала процессы взаимодействия между разными народами, включавшимися в единую социально-экономическую систему, а с другой, - открывала перед ними

большие перспективы в плане развития собственных национальных культур.

Формирование выраженной гетерогенной этнической и конфессиональной структуры населения указанного региона стало результатом целого ряда взаимообусловленных факторов. Главным из них можно уверенно назвать миграционный, связанный с массовым переселением на южные земли выходцев из самых разных губерний и областей Российского государства и некоторых зарубежных государств (Турция, Персия, Греция, Австро-Венгрия, Болгария). Это развернувшееся с 1860-х гг. движение населения, в которое оказались вовлечены сотни тысяч человек, было вызвано несколькими причинами. Важнейшим стимулом миграции стало освобождение в 1861 г. бывших крепостных крестьян, устремившихся в поисках лучшей доли на плодородные кубанские земли. Другим фактором стало завершение в 1864 г. на Северо-Западном Кавказе и в восточном Причерноморье длительной и разорительной Кавказской войны, одним из итогов которой стал трагический исход большинства представителей автохтонных народов (адыгов, абазин, ногайцев) в Турцию. Благоприятным фактором именно для Кубанской области в определенной степени стал принятый в 1868 г. указ «О дозволении лицам невоинского сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях».

Свою роль в колонизационном потоке разнообразного люда сыграли и осуществлявшиеся в этот же период буржуазные реформы, стимулировавшие экономическое развитие новых территорий, в том числе и резкий рост количества сделок по купле-продаже и аренде земли.

Быстрое увеличение численности иногороднего населения Кубани и восточного Причерноморья было связано и с реализацией ряда крупных инфраструктурных проектов. В их числе следует особо отметить

строительство первой на Северном Кавказе Ростово-Владикавказской железной дороги (движение открыто в 1875 г.) и прокладку шоссе между Новороссийском и Сухумом, которая велась с 1892 г.

Основную массу переселенцев привлекали на Кубань плодородные и при том недорогие земли, однако сложности обустройства (бытовые и хозяйственные) на новом месте для некоторых мигрантов оказались непреодолимыми и выталкивали их в города, где, как оказалось, они смогли найти себе применение. Именно города становятся местами наиболее интенсивного межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Важнейшими причинами переселения в регион иностранных подданных также выступали преимущественно экономические, а в некоторых случаях этнополитические и религиозные, факторы (например, это касалось многих армянских выходцев из Турции или ассирийских переселенцев из Персии).

Методы. Методологическую основу статьи составили принципы историзма и объективности. Использован статистический, сравнительно-исторический методы исследования, методы систематизации и обобщения. Источниковой базой исследования послужили как опубликованные [1], так и неопубликованные источники, например, церковные метрические книги, хранящиеся в Архивном отделе администрации г. Армавира [4], а также книги записей актов гражданского состояния 1920-1930 гг. архива ЗАГС г. Армавира.

Обсуждение. Армавир избран нами как показательный населённый пункт, число жителей, инфраструктура и промышленность которого развивались довольно высокими темпами. Следствием бурного экономического роста стало формирование ярко выраженного гетерогенного по составу местного населения. Армавир был основан в 1839 г. как аул горских армян. Решающую

роль в этом сыграли российские военные власти на Кубани. Только в 1914 г. он получил статус города, за что почти 30 лет вели напряженную борьбу иногородние жители [1]. Однако еще задолго до 1914 г. Армавир отличался развитой урбанизированной средой, не уступая в этом таким значительным губернским и областным центрам региона, как Екатеринодар, Новороссийск, Ставрополь и Владикавказ. В начале XX в. село Армавир стало одним из важных центров торговли на Северном Кавказе, а по размерам промышленного производства уступало только Екатеринодару. Эти обстоятельства позволяют нам рассматривать досоветский Армавир в качестве типично городского центра, ставшего к началу XX в. одним из мест притяжения переселенцев на Кубань.

В результате миграционных процессов к 1914 г. Армавир, достигнувший 60-тысячного населения, превращается в крупнейшее село Российской империи.

Среди массы мигрантов, прибывавших в субрегион Средней Кубани, естественным центром которого являлся Армавир, выделялись немецкие колонисты, преимущественно из Самарской и Саратовской губерний.

В досоветский период среди немецких общин, проживавших в иноэтнической среде городов и селений Северного Кавказа, армавирская становится самой многочисленной [2]. Например, по данным за 1910 г., в Армавире (из общего количества жителей в 44 448 чел.) немцев было зафиксировано 2834 чел., в то время как в Екатеринодаре их насчитывалось 1224 чел., в Грозном – 607 чел., в Пятигорске – 558 чел., Владикавказе – 471 чел., Ставрополе – 281 чел. и т.д. [3].

Как и представители других локальных общин, армавирские немцы вовлекались в разнообразные межэтнические и межконфессиональные связи. Одним из главных аспектов данного взаимодействия

стали смешанные браки. Данный вид контактов выступал важным фактором активизации кросс-культурного диалога и процессов миксации. Эти явления межэтнической интеграции представляют собой одну из самых актуальных проблем при изучении этнографии города.

По нашим подсчётам, базирующимся на основе анализа данных 10 церковных (метрических) книг армавирского молитвенного дома лютеран [4], смешанные браки среди местных немцев в дореволюционный период составили лишь 1,47% на 1227 супружеских пар [5]. В этих супружеских союзах все мужчины были немцами. Известно, что женщины вступали в смешанные браки реже мужчин. Но даже если допустить, что эти показатели у женщин и мужчин были равными, то мы все равно получим не более 3%.

Межнациональные браки не были редкостью среди русского населения Армавира, в том числе и с лютеранами. О том, насколько часто немцы вступали в брак с православными, в некоторой степени позволяют судить метрические книги главной в селе православной Николаевской церкви. На основе анализа записей метрических книг православной Николаевской церкви за 1913 г. выяснилось, что из 245 венчаний в 25 случаях (10%) были зарегистрированы межнациональные семьи [6]. По составу чаще других встречались русско- или украинско-армянские семьи. Встречались также браки православных с лютеранами или католиками, например, немцами или поляками [7, 8].

Динамику смешанных браков уже в советский период позволяют проследить данные актовых книг записей гражданского состояния, которые на Кубани полностью вытесняют из источникового информативного поля церковные метрические книги к 1922 г.

Молодое советское делопроизводство искало наилучшие формы

своего документального выражения, в том числе с учётом новых идеологических и классовых задач, что получило отражение в часто меняющихся формах метрических записей в книгах записей гражданского состояния. В целом, по сравнению с церковными книгами, они стали скуднее.

Сведения о «национальности» фигурантов появляются только в 1926 г. По этой причине у авторов нет возможности проследить степень миксации в семейной сфере до этого года. Здесь мы должны были опираться, прежде всего, на звучание фамилий брачующихся.

В 1926 г. появилась не только графа «национальность», но и «социальное положение». В 1928 г. форма записи о браке ещё раз меняется: был заметно изменён список вариантов социального положения, данные об этнической принадлежности теперь вписывались от руки.

В последующие годы неизменной оставалась графа «национальность», несмотря на то, что в целом форма бланка вступающих в брак продолжала меняться. При этом необходимо заметить, что в межэтнических семейных парах национальная принадлежность новорожденного чаще всего определялась по отцу.

Анализ книг записей гражданского состояния показал, что в городских условиях (в данном случае в Армавире) у такой этнической группы, как немцы, рост числа смешанных браков происходит в геометрической прогрессии.

По нашим подсчётам, с 1922 и до начала 1940-х гг. в Армавире немцами было заключено 745 браков. Мы учитывали те браки, где хотя бы один из супругов был немцем. В этом числе 343 брака (686 чел.) были моноэтническими и 402 - смешанными. В 229 случаях в таких браках немцами были мужчины, и в 173 - женщины [9]. Таким образом, за два десятилетия советской власти в Армавире смешанные браки заключили около 37% немцев и немки от

общего числа вступивших в брак. Примерно за 30 лет досоветского периода, по нашим подсчётам, немцы или немки вступили в подобные браки в Армавире едва ли более чем в 3% случаев [10].

Таким образом, рост процента смешанных браков у армавирских немцев, взятых нами в качестве примера локальной городской этнической общины, в 1920-1930-е гг. становится более чем десятикратным.

Возникает закономерный вопрос: насколько тенденция роста смешанных браков была общераспространённой? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к примеру северокавказских народов. Общая тенденция в 1920-1930-е гг. проявляется в том, что мужчины вступали в смешанные браки чаще женщин. Среди последних этот показатель был мизерным и редко достигал 1 процента. К 1939 г. только у мужчин абазин и невест из числа ногаек он достиг этой цифры, а у мужчин ногайцев даже составил 1,2%. У других северокавказских народов доля смешанных браков была существенно ниже. У ингушей смешанные пары в 1928 г. составили 0,01%, а в 1939 - 0,02% [11; 154]. У адыгейцев межэтнические браки в 1925 г. составили 0,3%, а в 1939 г. - 0,4%, у адыгеек - соответственно 0,02% и 0,07%; у черкесов к 1939 г. такие браки заключили 0,8%, а у черкешенок - 0,3% [12].

Северокавказские народы довольно долго с недоверием относились к необходимости государственной регистрации брака. Однако наблюдается постепенная трансформация этой тенденции. Уже к 1939 г. официальная регистрация браков возрастает у северокавказских народов в 1,5 раза по сравнению с 1926 г. У ногайцев, балкарцев и кабардинцев регистрируемость браков приблизилась к численности реально заключаемых родственных союзов к концу 1930-х гг.

В Северной Осетии наблюдалась тенденция увеличения числа

регистрируемых браков под влиянием жизни в городских условиях. Например, среди осетин, проживавших в городах, их фиксировалось в 2,5 раза больше, чем среди сельских жителей. У чеченцев и ингушей эта разница была ещё более очевидной. В городах они обращались в органы ЗАГСа в 6 раз чаще, чем в сельской местности [11; 155].

Результаты. Для представителя любой диаспоры или малочисленного народа, оказавшегося за пределами своей исторической родины, важную роль играют символы и факторы этнокультурной самоидентификации. Утрата этнокультурных ценностей и социокультурных действий, позволявших им прежде выделять себя из численно доминирующего иноэтничного окружения, грозит представителям диаспоры этнокультурной ассимиляцией. Это данность, которую участники межэтнического диалога на Северном Кавказе по-своему понимали очень хорошо. При этом то, что мужчины позволяли себе вступать в брак с представительницами других народов, ничем не угрожало этнической целостности – дети от таких браков записывались по национальности отца. Другое дело – женщины. Уходя в другую среду, они и их дети от смешанных браков растворялись в ней и утрачивались для исходной, что естественным образом вело к смене этнической идентичности. Именно это удерживало женщин от подобных браков на уровне негласных предписаний в той или иной (особенно горской, кавказской) национальной среде.

Тем не менее, пусть и неодинаковыми темпами у различных народов, но процент этнически смешанных браков в межвоенный период возрастает. Особенно заметно эта тенденция проявляется в городских центрах, где явления модернизации и новая интернациональная по своему духу идеология оказывали гораздо большее влияние на трансформацию семейно-бытовой сферы

культуры, нежели в сельской местности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что главными причинами роста числа межэтнических браков, особенно в городской среде, в 1920-1930-е гг. были особенности национальной политики советского государств. Основополагающими в этом отношении являлись идеологические установки советской власти на пролетарский интернационализм. Это приводило к изменению самосознания граждан, все больше идентифицировавших себя в качестве не только представителей той или иной национальности, но и «советских людей». То есть в данном случае речь фактически должна идти о зарождении новой нации - согражданства.

Заключение. Интернационализм большевиков сочетался с их целенаправленной политикой индустриализации страны. Давайте отойдём от сугубо экономического понимания этого термина и обратим внимание на то, что речь идёт о форсированном переходе от аграрного общества к индустриальному. Его основы, заложенные ещё в пореформенный период, своё цивилизационное значение проявляют уже при советской власти. Несмотря на двойственную социальную политику большевиков, миграционный поток из села в город усиливался. Советская индустрия нуждалась в рабочих руках и квалифицированных специалистах, поэтому разрушение патриархального быта, социокультурная замкнутость этносов (особенно малочисленных) были неизбежными. Следствием этих процессов стал рост численности городского населения, повышение роли городской культуры и в целом те явления, которые именуется урбанизацией. Эти процессы закладывали основы новой нации - согражданства, фактически нового прочтения этничности: распространение русского языка как языка межнационального общения, активное формирование советским

государством единых для всех народов ценностей, возникновение общих для всех социальных лифтов, модернизация и унификация быта (особенно в городах) и поощрение государством смешанных браков. Всё это не могло не затронуть и регион Северо-Западного Кавказа и особенно отчётливо проявилось в среде жителей предкавказских городов.

Благодарность.

Работа выполнена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26 (рук. С.Н. Ктиторов).

Примечания:

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Отдел первый. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1914. № 1 (2 янв.) – 366 (31 дек.).

2. Ктиторов С.Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX - начало XX века). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 67.

3. Города России в 1910 году / Центральный статистический комитет МВД. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. С. 889, 908, 910-911.

4. Метрическая книга записей о смерти за 1890-1897 гг. // Архивный отдел администрации г. Армавира (далее – АОАА). Ф. 55. Оп. 1. Д. 105; Метрическая книга записей о рождении за 1898-1909 гг. // Там же. Д. 106; Метрическая книга записей о смерти за 1898-1911 гг. // Там же. Д. 107; Метрическая книга записей о бракосочетании за 1899-1911 гг. // Там же. Д. 108; Метрическая книга записей о бракосочетании за 1903-1920 гг. // Там же. Д. 109; Метрическая книга записей о рождении за 1909-1918 гг. // Там же. Д. 110; Метрическая книга записей о рождении за 1909-1924 гг. // Там же. Д. 111; Метрическая книга записей о рождении, смерти за 1909-1911 гг. // Там же. Д. 112; Метрическая книга записей о бракосочетании за 1911-1923 гг. // Там же. Д. 113; Метрическая книга записей о смерти за 1911-1920 гг. // Там же. Д. 114.

5. Шнайдер В.Г., Ктиторов С.Н. Немцы Армавира. Армавир: Полиграфическое предприятие им. Скорины, 2012. С. 154.

6. Ктиторова О.В. Межэтнические и межконфессиональные контакты в семейно-бытовой сфере (из сведений метрических записей Николаевской церкви с. Армавира за 1913 г.) // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию начала Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Славянск-на-Кубани, 2012. Ч. 1. С. 67.

7. Метрическая книга записей о рождении, браке, смерти за 1913 год // АОАА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 21. Л. 253 об. - 254, Л. 259 об. - 260.

8. Метрическая книга записей о рождении, браке, смерти за 1912 год // АОАА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 20. Л. 282 об. – 283, Л. 284 об. - 285.

9. Книги записей о браке // Архив ЗАГС г. Армавира, ДД. 126, 138-140, 151-154, 168, 169, 187-189, 208, 209, 259-272, 315-322, 354-363, 386-389, 411-414, 465-468, 529, 548, 549, 563, 564, 580, 603, 628

10. Шнайдер В.Г. Семья и брак у немцев Армавира в конце XIX - начале XX вв. // История и обществознание. 2011. № IX. С. 11.

11. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вт. пол. XIX – XX вв.). М.: Наука, 1983. 265 с.

12. Меретуков М.А. Межнациональный брак как форма проявления межнациональных отношений // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы) / под ред. Н.Ф. Бугая. Майкоп, 1992. С. 227.

References:

1. Collection of laws and regulations of the government, issued by the ruling Senate. Section one. SPb.: Typography of the Governing Senate, 1914. No. 1 (January 2) – 366 (Dec 31).
2. Ktitorov S.N. Ethnic communities of the Ciscaucasian City: problems of adaptation and identity (second half of the 19th - early 20th centuries). Armavir: Design Studio B. 2014. P. 67.
3. Cities of Russia in 1910 / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. SPb.: Tipo-lithography of Nyrkin, 1914. P. 889, 908, 910-911.
4. Metric book of death records for 1890-1897 // Archival department of the administration of the city of Armavir (hereinafter - AOAA). F. 55. Op. 1. D. 105; Metric book of birth records for 1898-1909 // AOAA, F. 55. Op. 1. D. 106; Metric book of death records for 1898-1911 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 107; Metric book of marriage records for 1899-1911 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 108; Metric book of marriage records for 1903-1920 // AOAA, F. 55. Op. 1. D. 109; Metric book of birth records for 1909-1918 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 110; Metric book of birth records for 1909-1924 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 111; Metric book of records of birth, death for 1909-1911 // AOAA, F. 55. Op. 1. D. 112; Metric book of marriage records for 1911-1923 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 113; Metric book of death records for 1911-1920 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 114.
5. Shnaider V.G., Ktitorov S.N. Germans of Armavir. Armavir: Printing enterprise named after Skorina, 2012. P. 154.
6. Ktitorova O.V. Interethnic and interfaith contacts in the family and household sphere (from the information of the metric records of the Nicholas Church in the village of Armavir for 1913) // Russia and the Slavic world in the intellectual context of time: Collection of proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 135th anniversary of the beginning of the Russian-Turkish War of 1877-1878. Part 1. Slavyansk-on-Kuban, 2012. P. 67.
7. Metric book of births, marriages and deaths for 1913 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 21. L. 253ob. – 254, L. 259 ob. – 260.
8. Metric book of records of birth, marriages and deaths for 1912 // AOAA. F. 55. Op. 1. D. 20. L. 282 ob. – 283, L. 284 ob. – 285.
9. Books of marriage records // Archive of the registry office of Armavir, DD. 126, 138-140, 151-154, 168, 169, 187-189, 208, 209, 259-272, 315-322, 354-363, 386-389, 411-414, 465-468, 529, 548, 549, 563, 564, 580, 603, 628.
10. Shnaider V.G. Family and marriage among the Germans of Armavir in the late 19th – early 20th centuries // History and social science. 2011. No. IX. P. 11.
11. Smirnova Ya.S. Family and family life of the peoples of the North Caucasus (the second half of the 19th – 20th centuries). M.: Nauka, 1983. 265 pp.
12. Meretukov M.A. Interethnic marriage as a form of manifestation of interethnic relations // North Caucasus: national relations (historiography, problems) / ed. by N.F. Bugay. Maikop, 1992. P. 227.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

© В.Г. Шнайдер, С.Н. Ктиторов, Р.Ю. Лысенко, 2023